

„Девять муз“. дискуссии, обзоры

Валентин САФОНОВ

Писательские раздумья

Сердце свое не продать...

НА НАШЕЙ улице — праздник: Всесоюзный, Есенинский. В генеральском ранге Всесоюзного — пятый по счету.

Эти заметки продиктованы не желанием прочесть Есенина по-новому, хотя, уверен, необходимость такого прочтения явственно ощущается. Считаю, однако, что это задача для специалистов. Мне же хочется поделиться раздумьями о судьбе поэта, о его творчестве.

В заглавие выношу слегка измененную строку из «Анны Снегиной», где крестьяне, обращаясь к Поэту, говорят:

«...Ты — свойский, мужицкий, наш.
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь...»

Этим я и определяю общий настрой раздумий...

Молодость моего поколения застала многих из тех, кто видел и слышал Есенина, говорил с ним. Были среди них люди знаменитые, были — не очень, были и вовсе не знаменитые.

Сначала через легенды, анекдоты, байки приходило к нам первое знание о Есенине. Примечательно, что Есенин — персонаж народного словотворчества — был освещен тем же мягким светом всеобщей любви, каким освещают обычно в этом жанре Пушкина и Лермонтова. Такое достается по-настоящему любимым.

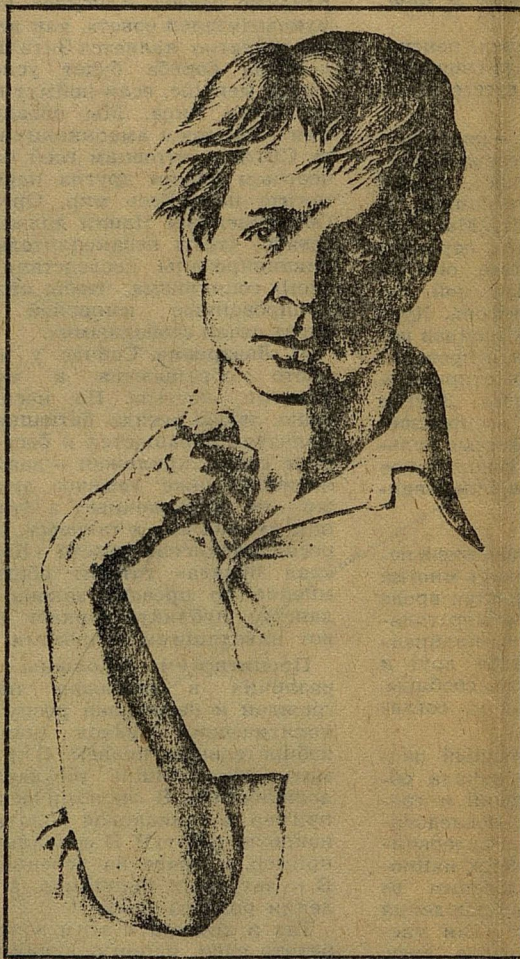
А стихи узнавались по капле, разрозненно: где-то, что-то... Впервые подлинную книжку поэта мне, восьмикласснику, показал учитель логики Владимир Васильевич Аббакумов. Потеряв на фронте ноги, пройдя через госпитали и неимоверные страдания, он уберечь-таки томик, изданный в Ленинграде при жизни Есенина. Я выпросил книжку под честное слово и, пока переписывал ее «от доски до доски», забыл про школу.

...Когда призвали на флот, рукописную тетрадь прихватил с собой. Однажды в базовом матросском клубе подошел ко мне «годок», сверстник. Невысокий, плотно сбитый матрос: — Ты, стало быть, рязанский, земляк Есенина. А что знаешь о нем?

Знал я немного, но, припоминая, обмолвился: жива мать поэта — Татьяна Федоровна, здравствуют сестры — Катя и Шура.

— Здорово! Вот бы закатиться в Константиново, поговорить с ними, — загорелся морячок. Звали его Николай Рубцов.

Великие книги пишутся не на один день. Восемьсот строк «Анны Снегиной» — всего 800! — не моментальная фотография какого-то, пусть и драматического эпизода, не сколок современной поэту жизни. Они, эти восемьсот строк, еще и пророчество на будущее. Тут вот о чем надо помнить. Каждое время прочитывает литературу по-своему. Краснокосячные комсомолки тридцатых годов безудержно оплакивали ранний уход из жизни Вали-Валентины, воспетой Багрицким. И восхищались

мужеством пионерки: на смертном одре не сняла галстука, оттолкнула крест. Страдания Валиной матери были отодвинуты сердцем... Перечитайте сегодня написанную в бодром маршевом ритме «Смерть пионерки», пожалуйста: обеих: девочку с ее слепым, бесчеловечным героизмом и незрячую от горя мать. И задумайтесь над тем, кстати, где, в каком горниле выковывали ту кувалду, которой крушили купола и стены тысячелетних российских храмов? Все начиналось с отрицания опыта, нажитого отцами, дедами, прадедами. Но, во имя справедливости, вот о чем не могу умолчать. Тех же краснокосячных комсомолок тридцатых годов, застигнутых за чтением Есенина, исключали из организации, выгоняли из вузов...

Сняв сегодня с полки «Анну Снегину», лег-

ко, без подсказки определим пути-дороги персонажей поэмы, угадаем и то, о чем не мог знать стихотворец. Вот Мельник — гостеприимная, распахнутая миру душа, в то же время он — хозяин, владелец мельницы. Что там, в книге судеб? Однозначно: раскулачивание с обязательной высылкой на Соловки или в Сибирь... Прон Оглоблин с яростной его мечтой о коммуне. Не расстрелял его денкины в двадцатом — скорее всего расстреляли б свои в тридцать седьмом. За прямоу характера... Наконец, Лабути. Этот, как мы знаем, выжил, уцелел. И не обижен пока, благоденствует. Есть и еще один персонаж: сам Поэт — Сергей, Сергуха. Но тут, по-моему, все ясно.

СОВРЕМЕННЫЕ нам поэты часто клянутся именем России или громкогласно декларируют любовь к ней.

Есенин Россией не клялся. Риторических признаний в любви к ней не сочинял. Образ Руси в его стихах естествен и прост, как дыхание здорового человека:

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку...

Он был неискоренимо русским — в каждом слове, в каждом поступке, пусть даже не всегда и праведном. Был русским, когда — вчерашний деревенский парнишка, златокудлый пастушок — тешил солеными частушками «салонный вылощенный сброд». И много позже там, за рубежами России, когда — в чужд эмигрантского притона, лютея от тоски по Родине, — вперебив белогвардейскому «Боже, царя храни...» загребел «Интернационалом». И в тот, пока еще малоисследованный отрезок его жизни, когда порученцы Марии Спиридоновой припылили в Константиново склонять его к участию в эсеровском заговоре. Рассчитали правильно: известный крестьянский поэт станет знаменем в руках мятежников. Поэт наотрез отказался: не по пути.

Он и для трепетно любимого им Пушкина нашел удивительно точные, емкие слова: русский стал судьбой.

Об отношении Есенина к Пушкину я тут не случайно. Замечено: когда России плохо — тотчас сгущаются тучи и над головой первого нашего Поэта. Вспомним ортодоксов юной революции с их глумливым требованием «сбросить Пушкина с парохода современности». Гремело — и как: нахально, назойливо! — на всех перекрестках голодной и холодной Руси, над руинами, оставленными первой мировой и гражданской войнами. И теперь вот, в пору новой революционной ломки, когда жизнь откровенно нелегка, когда, не ведая порой, «куда несет нас рок событий», завтрашнего дня прозреть не в состоянии, вновь поднялась, нахлынула мутная, дегтяная волна. «Пушкина в XXI веке не будет», — пророчествует в «Книжном обозрении» Нина Берберова, про-

жившая семь десятилетий в эмиграции и не очень-то, судя по ее признаниям, соскучившаяся по месту своего рождения. А на страницах солидного писательского журнала под руку с Пушкиным прогуливается ставший парижанином Абрам Терц. Пушкин в его изображении, растражированном «Октябрем», недосок, извращенец, гомункулус, слепленный из одних патологических отклонений.

Умысел подобных сочинений прост, как дважды два. Достоинство, жизнеспособность любой нации, любого народа определяются его культурным богатством, наличием духовных ценностей, самые яркие, самые притягательные из которых обретают значение непреходящих символов. Перечеркнуть, уничтожить, вытравить из памяти «того, кто русской стал судьбой» — значит, и народ, нацию приговорить к духовному умиранию.

Да, мы — Иваны, как нередко величают нас по зарубежьям. Но не из тех — не из не помнящих родства. И дорог нам Пушкин есенинский, а не тот, что пригрезился Абраму Терцу. Читали, читаем и не устанем читать и гордиться, хотя бы и в недалеком уже XXI веке!

СЕГОДНЯ, в разгар всесоюзных праздничных торжеств, вспоминается мне октябрь 1965 года, открытие есенинского музея в Константинове.

Свое выступление на митинге, предварившем открытие музея, Василий Федоров начал так: «Есенина для России сберег народ».

С тех пор праздник не просто подросток — вырос, необъятной стала его география: Москва, Ленинград, Ташкент, Баку, Тбилиси... Можно перечислять и дальше, да в том ли дело? И самый длинный перечень адресов останется пресловутым прокрустовым ложем для размаха есенинской поэзии.

Нужна, значит, его поэзия, потому что утверждает поэт доброту человека, открывает в нем лучшие силы души, доброе отношение ко всему живому, сущему. Потому что воспеет красоту и мир. Потому что любил человечество, был подлинным интернационалистом. А любовь к человечеству, подлинный интернационализм начинаются с неподдельной любви к Родине — единственной и неповторимой у каждого из нас. Вот почему и сегодня — прислушайтесь! — в Константинове на неласковом осеннем ветру звенят незабываемые, пронзительные строки:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

Рязань.